

АНТИНОМИЧНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА ФЕДОРА СОЛОГУБА

И.А. Чуносова

*Научный руководитель: Т.В. Садовникова,
кандидат филологических наук, доцент (ЧГПУ)*

«Мое сердце ужалено радостью. Грудь мою пронзили семь мечей счастья, – как мне не плакать» [Сологуб 2000а] – эта фраза принадлежит перу Федора Кузьмича Сологуба и выражает чувства героини его самого вневременного романа «Мелкий бес». Чувства эти характерны для людей той эпохи, впрочем, как и для всех людей, живущих на рубеже веков. Антиномичность, амбивалентность восприятия мира, раздвоенность сознания и оценок ярче прочих отразилась в творчестве именно этого автора. Его самобытность, непохожесть, необычайность была признана современниками. К. Чуковский пришел к такому умозаключению, отталкиваясь лишь от лирики Сологуба: «Он не пишет эффектных стихов – “просто так” – оттого, что влюбился, или оттого, что сегодня красиво пылала заря, – как пишет множество порою великих поэтов. Он из тех писателей – полуфанатиков, полупророков, которые знают только Бога, только свою душу, только вечность, и только смерть, – чье творчество, малы они или велики, гениальны или только смешны, – всегда религиозно; пишут ли они о женщине или о солнце, о червяке или о сладострастии – все это для них озарено их религией» [Чуковский 2002].

У Сологуба своя религия, свои представления о мире. Свои представления у него и о райских кушах – мире гармонии, света и торжества добра, который описан в цикле «Звезда Маир». Характерная черта авторской поэтики – это обращение к образу звезды. Именно к ней, к звезде собирается совершить посмертное путешествие покинувший земной мир человек. Почему главный «светлый» образ именно звезда? Потому что в мире Ф. Сологуба Звезда – это единственное, что не дает тени. Зло не имеет пристанища, ему некуда укрыться. Сошлемся на нечасто цитируемый рассказ писателя «Свет и тени»:

«– Мама, – сказал он, не замечая, что перебил маму, которая говорила ему о чем-то, – как жаль, что нельзя добраться вот до этих звезд.

Мама взглянула на небо и ответила:

– Да и не надо. Только на земле нам и хорошо, там другое.

– А как они слабо светят! Впрочем, тем и лучше.

– Почему?

– Ведь если бы они по сильнее светили, так и от них побежали бы тени» [Сологуб 2000а].

По Ф. Сологубу, весь земной мир проникнут возможностями зла, упадка, теньями. Ведь, по выражению Володи, героя этого рассказа, «везде

стена» [Сологуб 2000б]. И именно из сочетания тени и света, их взаимопроникновения и вырастает неповторимый миф поэта о мире, полюсами этого мифа условно можно считать мир Звезды Маир и мир, обезображенный присутствием Недотыкомки.

Обратимся к пятой песне цикла «Звезда Маир», так как она ближайшая по времени написания к «Недотыкомке» – их разделяет всего 8 дней! – и дает полное представление об авторском мифе о мире. Песнь открывается словами:

Мы скоро с тобою
Умрем на земле, –
Мы вместе с тобою
Уйдем на Ойле [Сологуб 2001].

Даже наполненная светом утопичная лирика Сологуба проникнута настроением смерти: чтобы приблизиться к идеальной гармонии, нужно пройти очищение смертью, только тогда откроется путь на Ойле. Как и в «Недотыкомке», смерть – это освобождение, но если там это конец пути, то здесь – только начало. Маир недаром называется во второй строфе и «светлым», и «ясным», ведь в третьей эта чудесная звезда «покажет все», «что ревниво скрывает наш мир». Покажет скрытое, спрятанное, пребывавшее в тени, высветит невидимое и сделает любую зыбкость невозможной. Маир – мир максимальной определенности: здесь нет места тени, а значит, и нет места полутонам, переходам света. Мир беспощадной ясности, как и слишком яркий, бьющий в глаза свет непереносим для людей. И хотя в глубине души люди стремятся к ней, милосердная природа не дает погибнуть человеку: «Только на земле нам и хорошо» [Сологуб 2000б]. Другое дело, когда человек за полутонами перестает отличать белое от черного и свет от тьмы. Тут природа выступает уже не помощницей, а палачом, окружая замутненное сознание зыбкой пляской теней.

Музыкальный, мелодичный строй стихотворения подобен молитве или религиозному псалму, что также подчеркивается фонетической особенностью названий гармоничного мира – Ойле, Маир: все согласные здесь сонорные, а гласных в избытке. Такой фонетический строй слов приятен для уха и обеспечивает ясность слухового восприятия. «Святая любовь» – пожалуй, единственное, что связывает два таких разных мира. Любовь – составляющая гармонии, а значит, к Маиру найдут дорогу только те, кто уже познал Любовь: «узнаем мы вновь».

Но рай должен быть уравновешен адом, и его злая дьявольская сила – это сила современная, олицетворение страшнейшей серости, пошлой обыденности, бреда жизни, внутреннего безумия – Недотыкомка. Одноименное стихотворение было написано 1 октября 1899 года, когда Федор Кузьмич всю работал над романом «Мелкий бес»:

Недотыкомка серая

Все вокруг меня вьется да вертится, –
 То не Лихо ль со мною очертится
 Во единый погибельный круг?

<...>

Недотыкомку серую
 Хоть со мной умертви ты, ехидную,
 Чтоб она хоть в тоску панихидную
 Не ругалась над прахом моим [Сологуб 2001].

«Недотыкомка серая...» – это квинтэссенция романного образа, новое воплощение карамазовского Черта, темная внутренняя сила, пришедшая будто извне, ее влияние необоримо. У этой силы много имен, часть которых пришла из фольклорной традиции, к которой Сологуб относился с большим вниманием со времен своего ученичества (Лихо), часть – из предшествующей литературной традиции (уже звучавший карамазовский Черт), часть – выдумана автором (Недотыкомка). Интересной здесь предстает смена полярности символов в первой половине стихотворения: то, что было защитой и радостью, вдруг предстает в совсем другом свете. Выражение «очертится в круг» адресует нас к самой известной «чертовщине» Н.В. Гоголя – «Вию». Но там круг помогал избежать встречи с порождениями мрака, тогда как здесь он подчеркивает невозможность вырваться из этих тенет. Кроме того, «присядка» и «улыбка» – эти признаки радости, какого-то праздника – здесь тоже извращены влиянием Недотыкомки: в улыбке сквозит коварство, да и присядка скорее зыбкая игра теней, неуловимых и оттого необоримых. В третьей строфе – мольба о помощи, попытка справиться с этой силой ее же методами – мистическими чарами или заветным словом. Но Недотыкомка страшнее Вия: на нее не действуют доступные человеку средства, не помог ни круг, ни чары, ни удары. И четвертая строфа становится завещанием впавшего в отчаяние человека: надежда избавиться от Недотыкомки стала такой же зыбкой, как она сама. Человеку больше не страшно умереть, единственное, что его еще пугает, – что Недотыкомка так и останется на Земле, глумясь над его могилой и выбирая себе новую жертву.

Мир Земли будто весь состоит из теней, свет неотличим от тьмы в сознании человека, потерявшего нравственные ориентиры – даже друг здесь «таинственный». Миру Земли противопоставлен сияющий, напоенный светом мир далекой звезды Маир, «другой» [Сологуб 2000б] мир, непригодный для человека, но составляющий рай его души. В целом же можно утверждать, что антиномичность поэтического мира Сологуба – явление, порожденное как особенностями личности автора (особая «религия»), так и особенностями времени: перелом эпох сказался в

авторском творчестве наиболее заметно, и в этом отношении каждый текст Ф. Сологуба – проекция общего умонастроения таких «зыбких», переходных дней.

Список литературы

- Сологуб Ф.* Собр. соч. : в 6 т. / Ф. Сологуб. – Т. 3. – М. : Итнелвак, 2001. – 736 с.
Сологуб Ф. Мелкий бес / Ф. Сологуб // Сологуб Ф. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 2. – М., 2000а. – С. 5-288.
Сологуб Ф. Свет и тени / Ф. Сологуб // Сологуб Ф. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 1. – М., 2000б. – С. 361-383.
Чуковский К.И. Навьи чары мелкого беса / К.И. Чуковский // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки / сост. А. Чеботаревская. – СПб., 2002. – С. 52-88.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ЛИРИКЕ В. НАРБУТА

И.В. Яковлева

*Научный руководитель: Н.А. Рогачева,
кандидат филологических наук, доцент (ТюмГУ)*

Поэтическая мифология Владимира Нарбута изучена мало, несмотря на то что творчество близких ему поэтов-акмеистов уже давно рассматривается в мифопоэтическом ключе. При этом связь образной системы художника со славянскими мифами и фольклором прозрачна [Рогачева 2005: 79]. В предисловии к книге В. Нарбута «Стихотворения» Н. Бялосинская и Н. Панченко пишут, отзываясь о содержании второго сборника «Аллилуйя»: «Духовный мир книги православный, в том неканоническом, народном его проявлении, с которым легко уживается так называемая малая мифология, фольклорная демонология, тот “лес народных поверий и суеверий”, о котором писал Блок» [Бялосинская, Панченко 1990: 23]. Без решения вопроса о фольклорном, мифологическом сознании в лирике В. Нарбута трудно понять его оригинальность и самобытность.

Основой для создания циклов «Аллилуйя», «Вий», «Плоть» стали мифы, воспринятые В. Нарбутом не только непосредственно через фольклор, но и опосредованно – через литературу, через произведения русских и украинских писателей, в первую очередь – Н.В. Гоголя и Гр.С. Сковороды. В своей поэзии Нарбут говорит об имманентной, то есть пребывающей в самой себе, форме мифологического сознания современного человека.

Мир, устремляясь к основам бытия, преодолевает космическую упорядоченность и возвращается к первородному хаосу. Лишаясь формы,